

DOI: 10.25178/nit.2026.2.15

Статья

Концепт айыу ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре

Мариям А. Ахматова, Мусса Б. Кетенчиев, Сахадин М. Хуболов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье анализируется концепт карачаево-балкарской лингвокультуры «айыу» ‘медведь’. Рассматриваются его лексико-семантические особенности. Лексема восходит к общему древнетюркскому корню, что роднит ее со сходными номинациями в других тюркских языках.

«Айыу» является значимым элементом зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской картине мира. Все это нашло свое отражение в проанализированном материале: в эпитетных народных номинациях, названиях по полу и возрасту, фразеологических единицах, фитонимах, пословицах и поговорках, текстах сказок и мифов.

У концепта обнаруживается многослойность, которая проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих: понятийный, образный и аксиологический слои. Выявляются и описываются наиболее значимые ассоциативные признаки и переносные смыслы, отмечается представленность в составе фразеологических единиц, антропонимов, фитонимов, топонимов.

Отмечается, что медведь в иерархии диких животных стоит гораздо выше других, являясь тотемным. Он предстает как хищное животное, отличающееся своими предпочтениями относительно питания и образа жизни. Для него присущи сила, глупость и в то же время ум, любовь к потомству. В языке выявляется метафорический перенос «медведь → человек», в силу чего человек получает характеристику по тем признакам, которыми наделяется медведь: хитрость, дикость, сила и др.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; концепт культуры; зооним; айыу; медведь; карачаево-балкарский фольклор

Для цитирования:

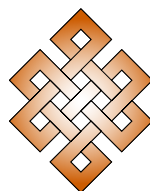
Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б., Сахадин М. Х. Концепт айыу ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 234-244. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.15>

Ахматова Мариям Ахматовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: maria.ahmatova@yandex.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: ketenchiev@mail.ru

Хуболов Сахадин Магаметович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: khubol@yandex.ru

The Concept of Aiyu ‘Bear’ in the Karachay-Balkar Linguoculture

Mariam A. Akhmatova, Mussa B. Ketenechiev, Sakhadin M. Khubolov
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines the concept of “aiyu” ‘bear’ in the Karachay-Balkar linguoculture. Its lexical and semantic features are analyzed. The lexeme derives from a common Old Turkic root, which relates it to similar designations in other Turkic languages.

“Aiyu” constitutes a significant element of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkar worldview. This is reflected in the analyzed material, including folk epithetic nominations, terms denoting gender and age, phraseological units, phytonyms, proverbs and sayings, as well as texts of tales and myths.

The concept reveals a multilayered structure manifested in the presence of several qualitatively distinct components: conceptual, figurative, and axiological layers. The most significant associative features and figurative meanings are identified and described, along with their representation in phraseological units, anthroponyms, phytonyms, and toponyms.

It is noted that, within the hierarchy of wild animals, the bear occupies a much higher position than others, functioning as a totemic animal. It is portrayed as a predatory creature distinguished by specific dietary preferences and a particular way of life. It is characterized by strength, foolishness, and at the same time intelligence, as well as affection for its offspring. The language demonstrates a metaphorical transfer “bear → human”, whereby a person acquires characteristics attributed to the bear, such as cunning, wildness, strength, and others.

Keywords: Karachay-Balkar language; cultural concept; zoonym; aiyu; bear; Karachay-Balkar folklore

For citation:

Akhmatova M. A., Ketenechiev M. B. and Khubolov S. M. The Concept of Aiyu ‘Bear’ in the Karachay-Balkar Linguoculture. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 234-244 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.15>

AKHMATOVA, Mariyam Akhmatovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

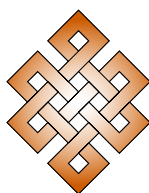
ORCID: 0000-0002-0507-395X

KETENCHIEV, Mussa Bakhautdinovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: ketenchiev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1656-8368

KHUBOLOV, Sakhadin Magametovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: khubol@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1016-5023

Введение

Современная направленность исследований во многом определена антропоцентрической парадигмой в лингвистике, продуктом которой является лингвокультурология, «возникшая, на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке»¹. В этой связи важным представляется обращение к такому понятию, как культурный концепт, являющийся многомерным смысловым образованием, ориентированным на репрезентацию понятийных, образных и ценностных составляющих, отражающих зоонимический код культуры карачаево-балкарского этноса, что имеет непосредственное отношение и к концепту *айыу* ‘медведь’.

Данный феномен отмечен значительными функционально-семантическими возможностями в лингвокультуре тюркских народов, к числу которых относятся и карачаево-балкарцы, о чем свидетельствует целый ряд научных работ. Так, в восприятии чувашей он, с одной стороны, есть символ силы, с другой — «простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку» (Фомин, 2022: 64). В сознании же хакасов медведь представляется как тотемное животное, как первопредок (Бурнаков, 2012). По мнению Л. С. Кара-оол, *адыг* ‘медведь’ есть тотемное животное тувинцев, у родового подразделения *адыг-тулуш* он интерпретируется как их предок, а в тувинских топонимах является самым распространенным зоокомпонентом². Кроме того, в тоджинском диалекте тувинского языка употребительны 16 эвфемизмов, обозначающих этого хищника³. Этноспецифические особенности концепта *эһэ* ‘медведь’ в культуре народа саха выявлены в статье А. А. Скрыбиной (Скрыбина, 2016). У финно-угорских народов медведь считается покровителем, охранителем, священным, тотемным животным (Мокшина, 2012).

В филологических работах, изучающих концепты русской лингвокультуры, *медведь* дефинируется как значимый «лингвокультурный концепт, символизирующий Россию и Сибирь» (Волошина, 2020: 30). Имеет место описание этнокультурных смыслов, формирующих обыденное, мифологическое и стереотипное представления о медведе в русской языковой картине мира посвящена статья (Глотова, Артемьева, 2020). В статье М. В. Кутьевой рассмотрены положительные ассоциативные признаки архетипа медведь: прямота, свободолюбие, отсутствие подлости в поведении и т. д. (Кутьева, 2022).

Согласно сведениям, представленным в трудах по зоологии, на территории Кабардино-Балкарии, на высоте 650–3100 метров над уровнем моря, обитают следующие подвиды кавказского бурого медведя — большой и малый. Их количество на 2010 г. составило 262 особей (Машуков и др., 2013: 47–49). Охота на них, которая осуществлялась с целью защиты домашнего скота и не входила в число народных промыслов, запрещена с 2000 г.

В контексте данного исследования релевантным представляется выявление и описание как собственно номинативных, так и лингвокультурологических особенностей концепта *айыу* ‘медведь’, связанных с его понятийным, образным и аксиологическим аспектами. Помимо прочего, медведь занимает особое место в карачаево-балкарской культуре, что свидетельствует о его важнейшей роли в языковой картине мира. Вышеизложенным и детерминируется актуальность темы данной работы.

Цель статьи — выявить и описать репрезентанты концепта *айыу* ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре.

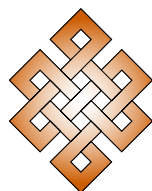
Объектом исследования является концепт *айыу* ‘медведь’ как значимая составляющая карачаево-балкарской культуры, предметом — специфика его репрезентации в лексических, фразеологических, паремиологических единицах и мифологических текстах.

Задачи исследования: 1) выявить понятийный слой концепта *айыу* ‘медведь’ и провести анализ репрезентантов, которые его объективируют; 2) определить образные составляющие концепта

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М. : Академия, 2001. С. 9.

² Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 282.

³ Дамбаа Ш. В., Сувандии Н. Д. Лексико-семантические группы названий диких животных в охотничьей лексике тувинского языка (на материале тоджинского диалекта) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 373.

айыу 'медведь' и проанализировать его этнокультурно маркированные особенности; 3) рассмотреть аксиологическую компоненту концепта *айыу* 'медведь'.

В качестве эмпирического материала послужили лексические, фразеологические, паремиологические единицы, из имеющихся лексикографических источников¹, хрестоматийных изданий, содержащих тексты, относящиеся к различным жанрам устного народного творчества (загадки, паремии, мифы, сказки)². Кроме того, привлечен собственный полевой материал, собранный в 2020–2025 гг. у старожилов 1930–1935 гг. рождения, проживающих в Чегемском, Черекском и Эльбрусском районах Кабардино-Балкарии.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы ученых в области разработки проблем, связанных с языковой концептуализацией мира (Вежицкая, 1996; Степанов, 2001; Карасик, 2002; Воркачев, 2013; и др.).

Новизна работы заключается в том, что впервые проведено исследование лингвокультурологического концепта *айыу* 'медведь', которое дает возможность дальнейшего исследования лингвокультуры и языковой картины мира карачаево-балкарского этноса.

Понятийный слой

Лексема *айыу* 'медведь' восходит к общетюркскому корню и в формах *adiy*, *adiy*, *aji* встречается в «Древнетюркском словаре»³. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортян приводит ее как *айы*. При этом он, привлекая к анализу богатый фактологический материал, пишет о наличии в тюркских языках следующих номинаций медведя: *айув/ajuv* — в крымско-татарском и караимском языках; *айув/ajuw* — в кумыкском, казахском, ногайском, каракалпакском, диалектах узбекского языка; *айу/aji* — в киргизском, диалектах узбекского языка; *айу/aji* — в алтайском, балкарском, татарском языках; *адыҕ/adiɣ* — в тувинском языке; *азыҕ/azɣ* — в хакасском языке и др.⁴ Следует отметить также функционирующие в среде карачаевцев формы *аю*⁵ и *айю*⁶.

В карачаево-балкарском языке для обозначения медведя когда-то в обиходе была лексема *абай*⁷, но в настоящее время это слово полностью вышло из активного употребления. Мы полагаем, что основой данного слова было *аба* (в карачаево-балкарском языке данное слово встречалось в детской речи при обращении ребенка к матери или к отцу)⁸. Подобные обозначения медведя можно встретить и у других тюркских народов Южной Сибири: у алтайцев — *абагай* 'дядя по отцу', у каларцев — *абај* 'прадед', у телеутов — *абагай* 'дядя по отцу' (Потапов, 1928), у хакасов — *абай* 'старший брат' (Бутанаев, 2000: 66) или *аба* (отец, дед, старший в роду). Мы полагаем, что в карачаево-балкарском языке *аба/абай*, с одной стороны, подчеркивает связь медведя с культом предков, а, с другой стороны, выражает тотемический культ медведя.

¹ Толковый словарь карачаево-балкарского языка / ред. Ж. М. Гузеев, И. Х. Ахматов, А. А. Жаппуев: в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. Т. 1. А–Ж; Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989; Хапаев Б. А., Хапаева А. Б. Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022; Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М., 2013; Древнетюркский словарь / сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969.

² Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.); Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2007. (На кар.-балк. яз.); Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы [Карачаево-балкарские народные сказки. Т. 1] / сост. С. А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. (На кар.-балк. яз.); Малкъар нарт сёзле [Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)

³ Древнетюркский словарь / сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. С. 29.

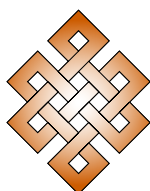
⁴ Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. С. 112.

⁵ Толгурова (Малкондуева) А. З., Толгуров Т. З. Гаппаксальный словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 2014. С. 6.

⁶ Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 40.

⁷ Кудяев М. Ч. Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2012. С. 209.

⁸ Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 15.

Как известно, концепт «воплощается обычно в слове не только при помощи вербального кода, но и средствами разных культурных кодов, <...> то есть обозначение его словом, является важной его особенностью, поскольку как ментальное образование он связан именно со словом» (Бухарова, 2012: 53). Но при этом он «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (Лихачев, 1997: 151). В традиционной культуре огромное значение придавалось слову, так как оно как некий предмет обладает материальной природой. Медведя запрещалось называть фактическим именем, табуирование его «настоящего» имени связано со страхом перед хищником и стремлением обезопасить себя от его нападения.

Вместо отмеченных выше названий (*айыу*, *айю* и *аю*) носители языка порой используют следующие номинации медведя¹, отражающие стереотипные представления этноса относительно его:

а) рациона питания: *балчы* ‘любитель меда’, *балыкчы* ‘рыболов’, *мыллыкчы* ‘падальщик’, *наныкчы* ‘любитель малины’;

б) поведения: *терекчи* ‘лазающий на деревья’, *жукзучу* ‘любитель поспать’, *табанын жалаучу* ‘пятку свою лижущий’, *мухар* ‘прожорливый’, *жуунуучу* ‘купающийся’, *жюзюучу* ‘пловец’;

в) физических характеристик: *алпыр* ‘крупный’, *алмайыр* ‘увалень’, *алпыр* ‘великий’, *баймакъ* ‘косолапый’, *дырга* ‘кляча’, *жумушакътабан* ‘мягкопяточный’, *уллутабан* ‘большепяточный’, *тюклю* ‘волосатый’;

г) места проживания: *дорбунчу* ‘пещерный’.

В карачаево-балкарском языке наличествуют названия данного хищника, репрезентирующие его:

а) возраст: *айыу бала* — *мамурач* — *хубол* ‘медвежонок (до года)’, *хузой* ‘годовалый медвежонок’;

б) родовую принадлежность: *ана айыу* ‘медведица’, *тиши айыу* ‘медведь-самка’, *эркек айыу* ‘медведь-самец’;

в) окрас животного: *акъ айыу* ‘белый медведь’, *кьонгур айыу* ‘бурый медведь’, *кюрен айыу* ‘бурый медведь’, *бойнакъ айыу* ‘гималайский, или белорудый, медведь (медведь, имеющий белую шею)’, *къара айыу* ‘черный медведь’.

В исследуемом языке нами было извлечено из сборников паремий «Малкъар нарт сёзле» и «Къарачай нарт сёзле» 75 паремий, включающих в свой состав компонент *айыу*. Из них 35 помещены в сборник паремий «Малкъар нарт сёзле» («Балкарские пословицы и поговорки»)², а 40 — в работу «Къарачай нарт сёзле» («Карачаевские пословицы и поговорки»)³, то есть первые в целом употребительны балкарцами, а вторые — карачаевцами. Основу их составляют одни и те же пословицы и поговорки. Однако обнаруживаются специфичные для балкарцев и карачаевцев паремические высказывания. Например, появление выражения *Айыуну кёре тургъанлай, ызын ызлай эдиле* ‘Видя медведя, по следу шли’⁴ обычно связывают с жителями с. Безенги в Балкарии. Выражение же *Джангы тутулуб, буруугъа атылгъан айю бурууну тегерегин ийисгеб айланганча* ‘Словно медведь, ходящий обнюхивая ограду, которого только что поймали и бросили за ограду’⁵ зафиксировано на территории Карачая.

В извлеченных из вышеуказанных источников паремиях отражены стереотипные характеристики медведя, зафиксированные языковым сознанием этноса. К ним относятся следующие:

1. Предпочтения медведя относительно питания (мед, ягоды, плоды и т. п.): *Айыу суйгени* — *бал* ‘Что любит медведь — это мёд’; *Айыуну жаны-тини* — *наныкъ* ‘Самое любимое для медведя — малина’; *Алманы игисин аю ашар* ‘Лучшие яблоки медведь будет есть’; *Кёгетни игисин айю ашар* ‘Лучшие плоды медведь будет есть’;

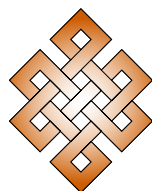
¹ Кудав М. Ч. Наследие предков. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2023. С. 483.

² Малкъар нарт сёзле [Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)

³ Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.)

⁴ Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)

⁵ Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.)

2. Неприятие медведем элементов питания: *Айыу дуггума суймей эди, ол да барып аны тешигинде бите эди* 'Медведь не любил мяту, а она росла у его берлоги';

3. Способ потребления мяса: *Айыу мыллыкны тынчытып ашар* 'Медведь дает туше протухнуть, потом ест';

4. Медведь — опасный хищник: *Ач айыу ойнамаз* 'Голодный медведь играть не будет'; *Жукълагъан айыуну уятма* 'Не буди спящего медведя';

5. Ценностное отношение к потомству: *Айюню баласы айюге айжакъ кёрюнюр* 'Медвежонок медведице луноликим кажется'; *Айыуну баласы айыугъа ай кёрюнюр* 'Медвежонок для медведя луной кажется';

6. Медведь сородичей не трогает: *Айюню айю ашамаз* 'Медведя медведь не съест'; *Айюню айю ашамаз, бёрюню бёрю ашамаз* 'Медведя медведь не съест, волка волк не съест';

7. Медведь соперников не терпит (особенно при еде): *Эки айыу бир куркагъа сыйымаз* 'Два медведя в одной берлоге не уместятся'; *Айыу бла кертме ашама, ашасанг да, къусарса* 'С медведем груши не ешь, если даже съешь — вырыгнешь'; *Айю бла дуггум ашама — эрнинги-бурнунгу къан этер* 'С медведем смородину не ешь — твои губы, нос окровавит'.

Употребительны паремии рекомендательного характера, призывающие носителей языка вести себя определенным образом при столкновении с медведем: *Айыу бла кертме ашама* 'С медведем (в одном месте с ним) груши не ешь'; *Айюден къачсанг, кёнденен къач* 'Если убегаешь от медведя, убегай поперек (на склоне)'; *Айыу бла шуёх болсанг, къамангы хазыр тут* 'Если с медведем подружишься, держи кинжал наготове'.

Небезынтересны и паремии сатирического плана, высмеивающие человека: *Айыудан къачама деп, къуюгъа кетгенлей* 'Словно тот, кто, убегая от медведя, в колодец свалился'; *Айыуну кёре эди да, ызын ызлай эди* 'Видел медведя, да по следу шел'; *Тауда айыуну терисин сатханлай* 'Словно тот, кто в горах продавал медвежью шкуру'; *Къоркъакъгъа къоян да айыуча кёрюнюр* 'Трусу и заяц медведем кажется'; *Айыудан къоркъгъан чертлеуюк жыймаз* 'Кто боится медведя (трус), лесной орех не собирает'.

Как показывает представленный выше фактологический материал, в понятийном слое рассматриваемого концепта отражаются объективно-субъективные характеристики медведя относительно его питания, поведения, возраста, мест обитания, строения, масти, что коррелирует со значимыми для карачаево-балкарской лингвокультуры стереотипами.

Образный слой

Спецификой зоонимических компонентов является их этнокультурная маркированность. Так, в сложных словах с компонентом *айыу* закодированы некоторые физические и моральные характеристики человека: *айыутабан* 'плоскостопный, косолапый, неуклюжий; перен. здоровый, сильный', *айыутос* 'тайный недоброжелатель (букв. медвежий друг)', *айыутослукъ* 'тайное недоброжелательство', также имеет место сопряженность с лошадейю: *айютюк — айю тюкю* 'буланный (о масти лошади в сравнении с шерстью медведя)'.

Весьма часто те или иные характеристики медведя метафорически переносятся на человека. Так, например:

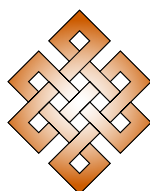
а) относительно глупого человека употребительны паремии типа *Мондай айыу хыйлачы тюкюге ийнанады* 'Глупый медведь хитрой лисе верит', *Тюкю айыуну алдап, кёзлерин ашатдыргъанлай* 'Лиса обманув медведя, заставил глаза (свои) съесть';

б) человека, который, не замечая своих недостатков, критикует других: *Айыу тюкюню аякъ ызына кюле эди* 'Медведь смеялся над следом лисы';

в) о людях, не способных вместе ужиться: *Эки айыу бир куркагъа сыйымайды* 'Два медведя в одной берлоге не уживаются'.

В корпусе фразеологических единиц карачаево-балкарского языка¹ имеются и устойчивые дескрипции, содержащие в своем составе конститuent *айыу*. В них имеет место метафорический пере-

¹ Карачаево-балкарский фразеологический толковый словарь / сост. З. К. Жарашуева. Владикавказ: ИПО СО ИГСИ, 2017.

нос животное → человек. Они характеризуют человека по тем признакам, которыми наделяется медведь: *хитрость, дикость, сила, уединенность, гнев, неуклюжесть, повадка*: *айыу акъыллы* ‘хитрый (букв. имеющий медвежий ум)’, *айыугъа намаз юретирге* ‘заниматься бесполезным делом (учить медведя совершать намаз)’, *агъач жаргъан айыу* ‘человек богатырской силы (букв. дерево раскалывающий медведь)’, *айыу куркасына киргенлей (киргенча)* ‘уединенность (букв. как медведь в берлоге)’, *ат ашагъан айюча (къычырыгъа)* ‘гнев (букв. как медведь, съевший коня)’, *айыу терекге миннгенлей* ‘неуклюжесть (букв. медведь, взобравшийся на дерево)’, *айыу (къыш) табанын жалагъанча* ‘повадка (букв. словно медведь, (зимой) лижущий пятку)’.

Как известно, в процессе метафоризации реализуется принцип постижения и вербализации окружающей среды. «Метафора является своего рода преобразованием мира в сознании человека, <...> она не только имеет форму выражения, но и является своеобразным средством накопления и хранения культурно значимой информации (Юрков, 2012: 36). Так, в основе метафорической номинаций некоторых флоронимов с компонентом *айыу*, скорее всего, лежат, с одной стороны, особенности питания медведя (мед, плод, орех, ягода), с другой — соматизмы (зуб, коготь, пятка, слеза, ухо). Так, например, Б. А. Хапаев и А. Б. Хапаева выявили и описали 16 названий лекарственных растений: *айюбал* ‘купена многоцветковая (букв. медвежий мед)’, *айю балдыргъан* ‘борщевик обыкновенный (букв. медвежий анис)’, *айю джемиш* ‘толокнянка обыкновенная (букв. медвежий плод)’, *айю джилек* ‘воронец колосистый (букв. медвежья ягода)’, *айю джюзюм* ‘медвежница (медвежий виноград)’, *айю кертме* ‘рябина глоговина (букв. медвежья груша)’, *айю такъюзюк* ‘рябина глоговина (букв. медвежья рябина)’, *айю къоз* ‘лещина медвежья (медвежий орех)’, *айю чёртлеуюк* ‘лещина медвежья’, *айюкъулакъ* ‘примула ушковая; коровяк обыкновенный (букв. медвежье ухо)’, *айю сохан* ‘лук медвежий’, *айю джыламукъ* ‘бусенник обыкновенный (букв. медвежья слеза)’, *айютабан* ‘борец противоядный; борец высокий; борец кlobучковый (букв. медвежья пятка)’, *айютиш* ‘акант мягкий (букв. медвежий зуб)’, *айютырнакъ* ‘акант мягкий (букв. медвежий коготь)’, *айючач* ‘прангос феруловидный; ковыль перистый (медвежьи волосы)’¹.

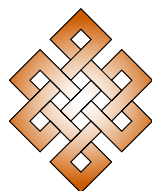
Согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, человек некогда трансформировался в медведя, благодаря чему этот зверь издавна подвергался сакрализации. Фамилии и имена, образованные от исходных названий медведя, например, фамилии *Айыулары* ‘Аюевы (Медведевы)’, *Гузюлары* ‘Гузюевы (Медвежонковы)’, *Мамуколары* ‘Мамукоевы (Медвежонковы)’, *Мамучулары* ‘Мамучиевы (Медвежонковы)’, *Хуболлары* ‘Хуболовы (Медвежонковы)’, как мы предполагаем, выступали в качестве имен-оберегов. Ср. также архаичное собственное мужское имя *Аду* ‘медведь’, которое на сегодняшний день исчезло из традиционного антропонимикона.

Как отмечает Г. Х. Бухарова, в топонимии «кодируется этнокультурная информация: одна система мотивирующих единиц (название животного) переносится на другую область действительности (географический ландшафт) и получает вторичную номинационную функцию, участвует в моделировании ландшафта. При этом активно используется зооморфный код культуры» (Бухарова, 2015: 493): *Айюлю* ‘медвежье’ (местность в Зеленчукском районе), *Айюлю аууш* ‘медвежий перевал’ (перевал в Зеленчукском районе), *Айюлю къая* ‘медвежья скала’ (скала восточнее урочища Долина Нарзанов), *Айюлю къол* ‘медвежья балка’ (местность в Карачаевском районе), *Айюлю къулакъ* ‘медвежья ложбина’ (местность в Карачаевском районе), *Айюлю тала* ‘медвежья поляна’ (местность в Зеленчукском районе), *Айюлю чат* ‘медвежий перевал’ поляна’ (местность в Зеленчукском районе)². Появление такого рода топонимов обуславливается стремлением носителей языка обозначить различные физико-географические объекты (балка, ложбина, перевал, поляна, скала) с учетом локализации и встречаемости на их территориях медведей.

В карачаево-балкарской культуре образ антропоморфизированного медведя довольно часто встречается в таком жанре устного народного творчества, как сказка, особенно в анималистических сказках. Как явствует из специальных филологических исследований, особо почитаемый у карачаевцев и балкарцев сильный и храбрый представитель царства животных, несмотря на некоторую трансформацию, которую данный образ претерпел со временем, он все же остается сильным, но

¹ Хапаев Б. А., Хапаева А. Б. Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. С. 514–515.

² Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Фонд Эльбрусид, 2013. С. 82.

глуповатым, обычно по сюжету выступает жертвой обмана. Для понимания характеристики медведя можно обратиться к следующему отрывку из сказки «Ышангысыз юч нёгер» («Три ненадежных друга»): *Айыу кибик деп бошму айтылганды?! Ол жазык мондай, хыйла тюлкюге ийнанып, онг кёзюн да чыггарып кьанды да, ажымсыз толу сокзур болду!* 'Зря что ли говорится, как медведь?! Этот бедный глупец, поверив хитрой лисе, съел, вытащив и свой правый глаз, стал полностью слепым'. Этим и детерминируется появление паремического высказывания *Тюлкю айыуну алдап, кёзлерин ашатдыргъанлай* 'Словно лиса, которая, обманув медведя, заставившая съесть его свои глаза'.

Итак, образный слой концепта *айыу* 'медведь' отражает основные признаки медведя, которые метафорически переносятся на человека, репрезентируют его параметры и повадки. В основе метафорической номинации медведя лежат особенности его питания и названий частей тела.

Аксиологический слой

Аксиологический слой исследуемого концепта сопряжен с архаичными представлениями карачаево-балкарского этноса и отражается в его лингвокультуре. Зоонимы как элементы культурного пространства того или иного этноса входят в состав мифов и архетипов, выражая при этом значимые составляющие этнической культуры. С этих позиций представляется важным обращение к образу медведя, поскольку «образы животных аккумулируют представления социума о системе ценностей и норм поведения в виде мифологем, стереотипов и эталонов» (Маслов, 2013: 51), что имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарской лингвокультуре.

Изначально основным занятием у карачаевцев и балкарцев, как и у других этносов, была охота, в силу чего внимание людей, естественно, концентрировалось, прежде всего, на животных, в частности, на медведе. Народ по-особенному относился к нему, наделял душой, признавал существом, близким человеку (Хе, 2010: 232). Указанное актуально и для карачаево-балкарской лингвокультуры, ставящей знак равенства между человеком и медведем, которому, например, приписывается такое человеческое качество, как ум: *Айыу бек акьыллы жаныуарды. Хар затны да эсеплеп жюрюйдю. Аны ючюн айтадыла, былай этер ишин жашырып, хар затны да алгъадан билип тургъан адамны юсунден ол айыу акьыллыды деп* 'Медведь — очень умное животное. Он ходит, учитывая все. Поэтому о человеке, который, скрывая, что будет делать, знает все наперед, говорят — у него медвежий ум'.

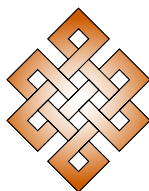
Представления о медведе свидетельствуют о древних анимистических, тотемических представлениях народа, связанных с тенгрианством: *Айыу алгъын тиширыу болганды деучю эдиле кьартла. Не хата, не гюнях иш этген эсе да, Тейрини чамландыргъанды да, ол аны жаныуар этип кьойгъанды. Ма аны себепли айыу тиширыулагъа тиймейди* 'Старики говорили, что раньше медведь был женщиной. Совершив какой-то грех, он рассердил Тейри, который превратил ее в зверя. Поэтому медведь женщин не трогаёт'.

Имеет место и обратное, когда уже человек происходит от медведя. Иначе говоря, речь идет о том, что рождение его детерминируется принудительным сожителем девушки с медведем. В результате этого такой человек наследует и медвежьи черты. Например, у главного персонажа мифа «Айыулань Чагъыр» («Аюев (Медведев) Чагъыр») одно ухо человеческое, а другое — медвежье. Конечно же, в силу своей богатырской силы, унаследованной от медведя, ума, доставшегося по человеческой линии, он побеждает эмегенов, собратьев-медведей, других чудовищ, спасается от козней ненадежных родственников, приобретает статус хана.

В связи с этим небезынтересными будут и сведения, полученные одним из соавторов статьи М. Б. Кетенчиевым от профессионального егеря А. М. Чеккеева (1934 г. р.): *Кеси кёзлерим бла кёргенме эркек, тиши айыуну да союлуп. Эркек айыу эр кишиге ушайды, тиши айыу а — тиширыугъа* 'Своими глазами видел освежеванных самца и самку медведя. Самец на мужчину похож, а самка — на женщину'. Вышеприведенное, по всей видимости, связано с тотемизмом, в основе чего лежит вера в происхождение человека от тотемного животного.

Между тем общеизвестным является факт прагматичного подхода человека к медведю. Так, человек в качестве лекарственных средств использовал природные продукты животного происхождения, в том числе различные части тела медведя. У карачаевцев и балкарцев медвежий жир служил сна-

¹ Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы [Карачаево-балкарские народные сказки. Т. 1] / сост. С. А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. С. 535. (На кар.-балк. яз.)

добьем от различных простудных заболеваний. Медвежье мясо употреблялось при лечении туберкулеза, а желчный пузырь находил применение при лечении малярии, остановки рвоты и диареи (Техов, 1971: 36). Рану человека смазывали жиром медведя, так как он быстро заживляет. С целью придать силу и храбрость мальчикам давали съесть сердце медведя, а также глотать желчный пузырь. В этой связи следует отметить и тот факт, что первое пеленание младенца в свое время совершалось с использованием медвежьей шубы с верой в то, что он станет сильным как медведь и смелым тауаем (охотником на медведя)¹.

Когти медведя использовались и как талисман удачи. Их охотник клал на совок, полагая, что он встретит медведя на охоте. В последующем медвежьи когти стали носить как оберег от нечистой силы. Это детерминируется тем, что в традиционной практике карачаевцев и балкарцев большую роль играли различные талисманы, амулеты, призванные ограждать человека от различного вреда и болезней, поэтому ношение амулетов-апотропеев (Алексеева, 1985: 38), в том числе подвесок из клыков медведя воспринималось как защита. Охотники носили на своей одежде знаки-обереги, в магическую силу которых верили².

Таким образом, аксиологическая составляющая рассматриваемого концепта тесно связана с репрезентацией архетипического восприятия этносом медведя как могущественного существа, обладающего сверхъестественными качествами, в силу чего человек воспринимает его тотемным животным и способным защищать от воздействия внешних сил, что достигается в первую очередь употреблением в социокультурной практике народа различных «медвежьих» артефактов в магических целях.

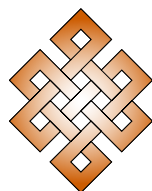
Заключение

Исходя из изложенного выше, можно констатировать наличие как рациональных, так и иррациональных эволюционированных представлений карачаевцев и балкарцев о медведе, связанных с менталитетом этноса. Концепт *айыу* 'медведь' в традиционной карачаево-балкарской культуре связан с различными мифологическими представлениями народа. Образ антропоморфизированного медведя часто встречается в фольклоре и, переплетаясь с различными религиозно-мифологическими образами, он претерпел значительные изменения. *Айыу* 'медведь' в сознании карачаевцев и балкарцев представлен неоднозначно. В описании медведя встречаются как положительные, так и отрицательные характеристики. Однако, однозначно можно сказать, что образ медведя продолжает бытовать в сознании представителей этноса.

У концепта *айыу* 'медведь', представленного в карачаево-балкарской лингвокультуре, как и в других лингвокультурах, обнаруживается многослойность, которая проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих: понятийный, образный и аксиологический слои. Понятийный слой рассматриваемого концепта репрезентирует как объективные, так и субъективные стереотипные характеристики медведя, связанные с его питанием, поведением, физическими характеристиками, местом обитания, а также возрастом, родовой принадлежностью, мастью. Весьма часто те или иные характеристики медведя метафорически переносятся на человека, т. е. образный слой концепта *айыу* 'медведь' отражает основные параметрические и поведенческие признаки медведя, проецирующиеся на человека, что зиждется на метафорических номинациях медведя, учитывающих специфику его питания и названий частей тела. Аксиологический слой подвергнутого анализу данного концепта обнаруживает утилитарную нагруженность артефактов, изготовленных из костей, шкуры и жира медведя, которые обладают ценностью в социокультурной практике карачаево-балкарского этноса, что базируется на их релевантности для удовлетворения значимых потребностей человека.

¹ Кудав М. Ч. Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2012. С. 34.

² Там же. С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, Е. П. (1985) О семантике орнамента глиняных и металлических изделий из археологических памятников Карачаево-Черкесии и о некоторых культах // Проблема археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск : КЧНИИ. 207 с. С. 35–51.

Бурнаков, В. А. (2012) Медведь в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Серия : История, филология. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 325–339.

Бутанаев, В. Я. (2000) Медведь по воззрениям хакасов // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / отв. ред. И. Н. Гемуев, Н. А. Алексеев, И. В. Октябрьская. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 104 с. С. 65–67.

Бухарова, Г. Х. (2012) Концепт *конь* в башкирской лингвокультуре (на материале башкирского мифологического эпоса) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (031). С. 51–60.

Бухарова, Г. Х. (2015) Зооморфный код культуры в моделировании ландшафта и его отражение в башкирской топонимии // Российский гуманитарный журнал. Т. 4. № 6. С. 487–495.

Вежбицкая, А. (1996) Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари. 411 с.

Волошина, С. В. (2020) Репрезентация концепта «Медведь» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 65. С. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/65/2>

Воркачев, С. Г. (2013) Избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Волгоград : Парадигма. 167 с.

Глотова, Е. А., Артемьева, К. В. (2020) Национально-культурная обусловленность семантики зоонима «медведь» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (27). С. 77–80. DOI: <https://www.doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-77-80>

Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.

Кутьева, М. В. (2022) Медведь: амбивалентность архетипа в русской лингвокультуре // Языкознание. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (35). С. 93–99. DOI: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-93-99>

Лихачев, Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 317 с. С. 147–165.

Маслов, А. С. (2013) Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. № 13 (156). Вып. 18. С. 51–58.

Машуков, З. Х., Якимов, А. В., Жаппуева, Л. Х., Закуреев, А. Р. (2013) Кавказский бурый медведь (*Ursus arctos meridionalis* Middendorff, 1851) в условиях Нальчикского государственного опытного охотничьего хозяйства (Кабардино-Балкария, Центральный Кавказ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Естественно-математические и технические науки. № 1 (116). С. 47–53.

Мокшина, Е. Н. (2012) Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях мордвы и других финно-угорских народов // Социально-политические науки. № . С. 16–19.

Потапов, Л. П. (1928) Пережитки культа медведя у алтайских туруков // Этнограф-исследователь. № 2–3. С. 15–28.

Скрябина, А. А. (2016) Концепт «Эһэ/Медведь» в якутской языковой картине мира // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры» / отв. ред. О. Н. Морозова, М. В. Пименова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та. 554 с. С. 207–212.

Степанов, Ю. С. (2001) Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академический Проект. 990 с.

Техов, Б. В. (1971) Очерки древней истории археологии Юго-Осетии. Тбилиси : Мецниереба. 295 с.

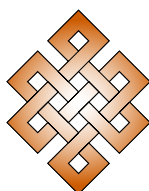
Фомин, Э. В. (2022) Образ медведя в чувашской культуре // Этническая культура. Т. 4. № 4. С. 62–65. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-103500>

Хе, В. Х. (2010) Культ животных у народов Кавказа — источник сведений о териофауне исследуемого региона // Вестник Ставропольского государственного университета. № 69 (4). С. 230–237.

Юрков, Е. Е. (2012) Метафора в аспекте лингвокультурологии. СПб. : Издательский дом «Мир русского слова». 254 с.

Дата поступления: 02.07.2025 г.

Дата принятия: 26.01.2026 г.

REFERENCES

- Alekseeva, E. P. (1985) On the semantics of the ornamentation of clay and metal products from archaeological sites of Karachay-Cherkessia and on certain cults. In: *Problema arkheologii i istoricheskoi etnografii Karachaev-Cherkessii*, ed. by E. P. Alekseeva. Cherkessk, KChNII. 207 p. Pp. 35–51. (In Russ).
- Burnakov, V. A. (2012) The bear in the traditional worldview of the Khakas. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 3, Archaeology and ethnography, pp. 325–339. (In Russ).
- Butanaev, V. Ya. (2000) The bear in the views of the Khakas, in *Peoples of Siberia: History and culture. The bear in ancient and modern cultures of Siberia*, eds. by I. N. Gemuev, N. A. Alekseev and I. V. Oktyarskaya. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 104 p. Pp. 65–67. (In Russ).
- Bukharova, G. Kh. (2012) The concept horse in the Bashkir linguoculture (based on the material of the Bashkir mythological epos). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2 (031), pp. 51–60. (In Russ).
- Bukharova, G. Kh. (2015) The zoomorphic cultural code in modelling the landscape and its reflection in Bashkir toponymy. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 4, no. 6, pp. 487–495. (In Russ).
- Wierzbicka, A. (1996) *Language. Culture. Cognition*, ed. and comp. by M. A. Krongauz, introd. by E. V. Paducheva. Moscow, Russkiye slovari. 411 p. (In Russ).
- Voloshina, S. V. (2020) Representation of the concept “Bear” in dialect discourse, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 65, pp. 30–46. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/65/2>
- Vorkachev, S. G. (2013) *Selected works on the theory of the linguocultural concept*. Volgograd, Paradigma. 167 p. (In Russ).
- Glotova, E. A. and Artemyeva, K. V. (2020) National and cultural conditioning of the semantics of the zoonym “bear”. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (27), pp. 77–80. (In Russ). DOI: <https://www.doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-77-80>
- Karasik, V. I. (2002) *The language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ).
- Kutyeva, M. V. (2022) Bear: Ambivalence of the archetype in Russian linguoculture. *Yazykoznanie. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (35), pp. 93–99. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-93-99>
- Likhachev, D. S. (1997) The concept sphere of the Russian language. In: *Russian speech: from the Theory of Speech to the Structure of Text: an Anthology*, ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 317 p. Pp. 147–165. (In Russ).
- Maslov, A. S. (2013) The use of the invectiveness index in the characterization of zoometaphors in the modern Russian language. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 13 (156), issue 18, pp. 51–58. (In Russ).
- Mashukov, Z. Kh., Yakimov, A. V., Zhappueva, L. Kh. and Zakureev, A. R. (2013) The Caucasian brown bear (*Ursus arktos meridionalis* Middendorff, 1851) in the conditions of the Nalchik State Experimental Hunting Farm (Kabardino-Balkaria, Central Caucasus). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*, no. 1 (116), pp. 47–53. (In Russ).
- Mokshina, E. N. (2012) The image of the bear in the religious and mythological beliefs of the Mordvins and other Finno-Ugric peoples. *Sotsialno-politicheskie nauki*, no., pp. 16–19. (In Russ).
- Potapov, L. P. (1928) Survivals of the bear cult among the Altai Turks. *Etnograf-issledovatel*, no. 2–3, pp. 15–28. (In Russ).
- Skryabina, A. A. (2016) The concept “Ehe/Bear” in the Yakut linguistic worldview. In: *Linguoculture and the conceptual space of language. Ser. “Kontseptualnyi i lingvalnyi miry”*, eds. by O. N. Morozova, M. V. Pimenova. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. ekonomicheskogo un-ta. 554 p. Pp. 207–212. (In Russ).
- Stepanov, Yu. S. (2001) *Constants. Dictionary of Russian culture*, 2nd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt. 990 p. (In Russ).
- Tekhov, B. V. (1971) *Essays on the ancient history of archaeology of South Ossetia*. Tbilisi, Metsniereba. 295 p. (In Russ).
- Fomin, E. V. (2022) The image of the bear in Chuvash culture. *Etnicheskaya kultura*, vol. 4, no. 4, pp. 62–65. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.31483/r-103500>
- Khe, V. Kh. (2010) The cult of animals among the peoples of the Caucasus as a source of information on the theriofauna of the studied region. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 69 (4), pp. 230–237. (In Russ).
- Yurkov, E. E. (2012) *Metaphor in the aspect of linguoculturology*. Saint Petersburg, Mir russkogo slova. 254 p. (In Russ).

Submission date: 02.07.2025.
Acceptance date: 26.01.2026.